ЭТОТ ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Алексей ВОРОНКОВ

ФРОНТОВОЙ РОМАН

Очерк

Скажите, ну давно ли мы отмечали пятидесятилетие Победы? Девять лет всего-то и прошло - а сколько изменилось за эти годы! Почитай, почти все знакомые мне фронтовики из жизни ушли. А тогда они были живы и веселились так, будто бы последний раз в жизни веселятся. Им уже было под восемьдесят, а они поднимали граненые стаканы со своими символическими фронтовыми ста граммами, кружили в вальсе, отплясывали «яблочко». Помню, как вернулся вечером с юбилейного гулянья отец. Он меня оставил у постели парализованной мамы, а сам пошел «немного посидеть» с фронтовиками. Тогда всех фронтовиков развезли по застольям. Пришел веселый, пьяный и озаренный - будто бы заново на свет родился. Молодой мужик, что привел его, рассказывал, что отец был молодцом: и с дамами танцевал, и водку пил... Я удивляюсь: да как же так? Он ведь еле ходит - без бадика и на улицу-то не показывается. А мужик: никогда бы-де не подумал... А тут батя: ты уж прости меня, сынок, ведь в последний раз веселюсь. Больше у меня юбилеев не будет...

Как в воду глядел: на следующий год оба мои фронтовика один за другим и ушли из жизни. В начале года - мама, в конце - отец. С ними закончилась эпоха победителей, началась другая, непонятная пока и тревожная. «Ты, сынок, не теряй времени попусту, жизнь - она короткая, и оглянуться не успеешь, как пролетит...». Эти слова, некогда чуть не каждый день повторяемые отцом, еще недавно я воспринимал как нечто абстрактное и не касающееся моей судьбы. Было, они меня даже порой раздражали. А теперь и некому поторопить меня, некому добрым словом образумить. Да только ли у меня такое горе? Сегодня, считай, все мы, дети послевоенной поры, становимся потихоньку сиротами. Ушли наши отцы, ушли фронтовики...

Что осталось в душе? Тоска да боль. А еще недосказанные рассказы родителей-фронтовиков, которые, собираясь, видно, жить вечно, мы не торопились слушать. А ведь родители так хотели, чтобы мы запомнили их истории. Запомнили и передали их по наследству своим детям. Но некоторые истории все-таки помнятся. И, дай-то Бог, чтобы они помнились всегда.

* * *

Поезд шел от берегов Волги к столице медленно, подобно усталому путнику, изредка переводя дух на пустынных полустанках и в забитых эшелонами железнодорожных тупиках. Чем ближе к Москве, тем сильнее у нее колотилось сердце. Здесь три года назад началась для нее война. Началась с самого худшего, что может выпасть на долю человека, - с отступления под натиском врага к сердцу своей Отчизны. Для молоденькой хрупкой женщины, ставшей с первых минут войны военврачом и тут же окунувшейся в кровавый ее водоворот, это было таким ошеломляющим событием, параллель к которому трудно, а быть может, и невозможно провести.

Позже в этих же местах, у Москвы-столицы, произошло огромное событие в ее судьбе - да что там в ее, маленькой и ничтожной, когда речь шла о судьбе всей Родины! - отсюда началось победоносное наступление наших войск, которое и привело через много-много дней к долгожданной Победе.

Вначале была артподготовка. Да, да, она ее запомнила на всю жизнь - ведь такое тогда началось! Словно земля разверзлась, когда заговорили наши орудия. Казалось, это великим гулом лопнуло человеческое терпение, и на врага громадной тяжестью обрушилась ненависть народная. Потом они пошли в наступление, оставляя за собой горы вражеских трупов и исковерканной техники... Люди - и она вместе с ними - мстили захватчикам. Они знали за что мстили: на их пути, словно зловещие памятники худого времени, стояли сожженные большие и малые селенья. Случалось, одни только трубы торчали из развалин. А среди этих развалин - безумные глаза детей, женщин, стариков. Голодные, изможденные, одетые в лохмотья, они еще не переварили до конца весь ужас случившегося и лишь подсознательно чувствовали великую беду...

Кажется, недавно все это было, а вот уже лето сорок четвертого стонет под нещадно палящими лучами солнца. В набитых до отказа вагонах духота. «Скорее бы Москва!»

Белорусский вокзал... Самый фронтовой из фронтовых. Отсюда дорога лежала только на войну. Толпы народа. Возвращались на фронт из госпиталей подлечившие раны бойцы, возвращались командированные. Людей много, поездов мало. Кое-как худенькой женщине в офицерских погонах удалось найти для себя местечко в одной из теплушек, чтобы отправиться в долгий путь к самому пеклу войны. И покатила ее дорога, понесла по выжженной врагом родной земле. Где находилась та точка, куда стремилось ее сердце, она и сама не знала. Знала только, что эта точка есть и что она обязательно ее отыщет, каких бы сил ей для этого не потребовалось.

... День 22 июня 1941 года выдался в Куйбышеве солнечным, приветливым. В выходной, как обычно, Нина, принарядившись, отправилась к своим родителям. Какой прекрасный день - все благоухало на волжском берегу; бабочки - эта милая декорация летнего пролога - казалось, предвещали только радость. Молодое сердце трепетно билось в груди - хорошо-то как! Красота земная! Лишь одно огорчало - не было рядом Алексея. Выбрав офицерскую судьбу, ее муж вот уже год как осваивал за многие километры от дома военные науки.

Счастливые часы в отчем доме пролетели незаметно. Последнее предвоенное материнское угощение, последняя мирная мамина улыбка, последний отцовский беззаботный взгляд... И вдруг: «Война началась!» Эти страшные слова она услышала случайно, от прохожих. Каким контрастом они явились всему тому, что было тогда в природе. Не хотелось верить в реальность услышанного. Хотелось кричать и плакать от несправедливости, от негодования. Дома ее уже ждала повестка из военкомата. Быстро, оперативно, как и подобает действовать в подобной ситуации, страна отзывала из запаса всех, кто способен воевать. Отозвала она и военнообязанного молодого врача Нина Воронкову. Мысль, что придется воевать, ее не страшила. Страшило лишь одно - не разлучит ли судьба ее навеки с Алексеем? Ведь они совсем недавно стали мужем и женой, и совместная их молодая жизнь лишь только начиналась... Какая вопиющая несправедливость! У Алексея встреча с войной произошла позже, когда Нина уже успела исходить немало фронтовых дорог. Ей выпало воевать в пехоте. А известно: первых пехотинцев война сходу перемолола, так что мало кто из них к концу первого года войны остался в живых.

Отстоим Волгу-матушку!

Плакат военных лет.

«Прошу отправить меня на фронт!» - именно с этих слов всякий раз начинался теперь разговор Алексея с начальством. Его не отправляли. Он, как ему говорили, нужен был в тылу. «Ну как вы не можете понять - ведь моя жена на фронте!.. - негодовал он. - Какое я имею право находиться в тылу, когда она воюет!» Его просьбу наконец удовлетворили. К тому времени у жены уже была контузия и два ранения. Грудь пропахшего порохом военврача украшали боевые награды. Он об этом узнавал из писем и рвался в бой, чтобы затем в своих письмах рассказать ей о том, как он бьет фашистов, как мстит им за ее, самого близкого и дорогого человека, раны. Будет такое, когда он напишет ей, что награжден орденом Отечественной войны первой степени, и она с гордостью за мужа воспримет эту весть, потому что знала - это высший боевой орден войны.

Под Мозырем в сорок четвертом ее контузило во второй раз. Состояние было тяжелым. Два месяца провалялась в госпитале. В себя приходила долго, постепенно. Пришлось выбывшего из строя бойца отправить в тыл, в родной Куйбышев, под наблюдение госпитальных врачей. Но там, под отцовской крышей, дела на поправку шли туго. Так бы и пришлось ей встретить Победу на берегах родной Волги, если бы не случай... О том, что муж сражается в соединении генерала Обухова, она знала из писем. К тому времени его 3-й гвардейский механизированный корпус снискал себе славу под Сталинградом - не случайно ему присвоили имя Сталинградского. Бойцы корпуса брали Ростов, Курск, Белгород, участвовали в форсировании Днепра, освобождали Кенигсберг... От однажды в одной из газеток ей попалась до боли знакомая фамилия - Обухов. Оказывается, его соединение успешно громило врага где-то в районе Вильнюса.

Только и сказала она тогда обескураженным не вдруг родителям: «Вот где Леша находится. Завтра же туда выезжаю». Видимо, посчитала, что в эти самые тяжелые и переломные дни войны она должна быть рядом с любимым. В обход врачей пошла к военному коменданту. «Дайте проездные документы, я закончила лечение», - не попросила, а потребовала, и документы ей выдали.

... Поезд шел по следам уходящей на Запад линии фронта. Вот уже миновали разрушенные до основания Борисов, Витебск, Минск. Почувствовалось горячее дыхание войны. Здесь немцы ежедневно бомбили поезда. На какой-то станции, превращенной в руины, поезд остановился. Дальше рельсы были разрушены. Отыскались попутчики - трое бывалых бойцов, возвращавшихся из госпиталей. К Вильнюсу стали пробираться вместе - где пешком, где на попутках. Ночевали в чудом уцелевших хатенках, в

Каждый рубеж — решающий!

Плакат военных лет.

сельницах и просто под открытым небом. Время шло, а военные дороги все никак не могли вывести ее к долгожданной цели. И вот однажды ее сердце радостно забилось, когда она прочитала вдруг на одном из указателей долгожданное: «Хозяйство Обухова». Наконец-то! Потом ей еще попадались эти знакомые всем фронтовикам знаки. «Значит, где-то уже рядом», - решила она. Голодная, обессилевшая, добралась, наконец, Нина до Вильнюса. Здесь находился штаб фронта.

«Эх, чуток бы пораньше, - сказал ей, вконец истерзанной болезнью и дорогой, начальник отдела кадров. - 3-й Сталинградский на днях ушел дальше. - И вдруг, поняв, в каком состоянии находится военврач, решил ее утешить: - А знаете, на ваше счастье, корпус еще не успел сняться с довольствия. Подождите немного - скоро кто-нибудь приедет...» Действительно, через некоторое время кто-то там приехал и забрал ее с собой. Туда, к той долгожданной точке, к которой она шла все эти долгие, вечные дни. Где должен непременно находиться ее муж - живой, здоровый, молодой, прежний ее Алеша...

«Скажите, как отыскать мне мужа?» - сгорая от нетерпения, спросила она у кого-то в штабе корпуса. Последовал ответ, от которого похолодело в груди: «Ваш муж сейчас там, где идут бои...».

Только дней через шесть, когда закончились жестокие сражения под Тукумсом, смогла состояться эта удивительная встреча в самом пекле войны. Он не мог поверить в реальность происшедшего, для него это казалось чудом, сказкой, небылью - всем, чем угодно, но только не явью. Четыре года разлуки - и чтобы вот так просто встретиться в этом аду!

Они стояли друг против друга - незнакомые, истощенные, повзрослевшие не по годам. Они были смущены по-юношески, но грудь им уже наполняла великая радость, которая лишь только по причине их не вдруг возникшей робости не могла выплеснуться наружу. Здравствуй, милая! Здравствуй, мой родной! Нет, это не они говорили - это говорили за них их глаза... После этого они никогда больше не расставались. Бок о бок сражались вплоть до Великой Победы, бок о бок прошли и японскую войну. Так и остались до конца жизни на Дальнем Востоке. Чем-то приглянулся им этот тихий провинциальный Благовещенск - прикипели к нему. Трудились, детей растили. Пришла пора - здесь и покой обрели. Вот такая судьба.

Пишу я эти строки, а сам думаю: ну что тогда заставило больную, израненную женщину, мою маму, бежать на фронт? Любовь к мужу - моему отцу? Любовь к попавшей в беду Родине своей? Или же то и другое, вместе взятое? Теперь я этого уже не узнаю. Жаль, что раньше об этом у мамы не спросил...

«Сквозь битвы, сквозь море пожарищ...»

Готовясь достойно встретить круглую дату - 60-летие со дня Победы нашего народа над фашистской Германией, - редакция «ПП» в №3 за этот год опубликовала подборку стихов, посвященных Великой Отечественной войне. Стихи эти, по сути, уникальные. А уникальность их заключается в том, что они написаны нашими земляками, так сказать, по горячим следам в годы борьбы с оккупантами и напечатаны в местных газетах.

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей вторую подборку подобного плана. Читая эти стихи, внимательно вслушайтесь в смысл пламенных строк и почувствуйте биение сердец людей, ставших свидетелями великой беды для нашего народа, для нашего любимого Отечества.

Учитесь бить смертельного врага

Кому Отчизна дорога,
Кому она всего дороже,
Перед лицом ее врага
Тот равнодушным быть
не может.
Мы общей связаны судьбой,
Нас только закаляют беды,
Учись, товарищ, ставши в строй,
Не просто жертвовать собой,
А завоевывать победу.
Она не дастся без потерь,
Но мы возьмем победу боем,
Нет мирных жителей теперь,
Есть беззаветные герои.
Учитесь, чтобы пулемет
Скороговоркою речистой
Неумолимо напролет
Разил зазнавшихся фашистов.
Чтоб банд коричневых орда
Не шла на нас войною яро,
Чтобы однажды и навсегда
Смести их всех с земного
шара.
Кому Отчизна дорога,
Учитесь бить смертельного
врага.

Николай МУЛЛИН.

Гвардейцы

Встало утро новое
Боевой весны,
В бой пошли суровые
Гвардии сыны.
Вдруг ударил бешено
Из орудий дот.
Конному и пешему
Нет пути вперед,
Но в дыму и пламени
Засиял звездой
Ильича на знамени
Профиль дорогой.
Это, взяв склоненное
Из поникших рук,
Знамя пред колонною
Поднял Якимчук.
Вмиг «ура» могучее
Грянули стрелки,
Конница летучая
Кинулась в клинки,
И скатился под гору
Враг, разбит вконец.
И сказали Федору:
- Ты у нас храбрец!
Он ответил:
- Бросьте вы,
Парень я простой.
Вот в деревне Гостево
Брат мой - тот герой!
В марте степью снежною
Гнал он дизель свой...
Шли на поле смежное
Тракторы, как в бой.
А на мир проснувшийся
Надвигался сев,
Лед на речке вздувшейся
Потемнел, осев.
Кто кричит: провалимся!
Кто кричит: пройдет!
Вдруг под чьим-то
«сталинцем»
С треском рухнул лед.
Молча раздевается
Якимчук меньшой,
К трактору спускается,
Трос держа рукой.
Ну согнуло бедного,
Сводит дрожь с ума,
Только до победного
Бился мой Кузьма.
Тросом трактор вызволил,
Скрытый под водой,
И опять на дизеле
Едет словно в бой...
- Вот у вас как в Гостево!-
Молвил политрук.
- Только скромность бросьте
вы,
Федор Якимчук.
Вашу храбрость воина
Будет знать страна.
Славы удостоена,
Крепнет пусть она.
Пусть на свете славится
Брат в краях своих,
Пусть вовек не старится
Мать сынов таких.

Трактористу

В неоглядных степях Приамурья
Зашумела, запела весна.
И прохладой, апрельской
лазурью
Капля каждая напоена.
На прозрачном студеном
рассвете,
На скрипучее выйдя крыльцо,
Чтоб тугой обжигающий ветер
Бил, как крыльями птица, в лицо.
И представь на минуту
сраженье:
Дым пожарищ и пушечный
гром...
Злобный враг предает
разрушенью
То, что мы воздвигали с трудом.
Вспомни все: Днепрогэса
останки,
Пепел Киева, Минска, Орла,
И на тракторе, словно
на танке,
Выезжай за ограду села.
Там, вздымая пласты
чернозема,
Помни: это - участок войны!
Чтобы враг не ушел от
разгрома,
Будь гвардейцем военной
весны!
Чтобы Харьков, Одесса
и Ровно
Свергли иго фашистских
зверей -
Пусть без устали - мощно
и ровно -
Бьется сердце машины твоей!
Степь родная! Глубокий
и чистый
Голубой океан-небосвод!
Знаю: только скажи
трактористу -
Завтра танк на врага
поведет!

Будь первым, товарищ!

Сквозь битвы, сквозь море
пожарищ
Мы к верной победе идем.
Так будь же ты первым, товарищ,
В подписке на новый заем!
Атаками танков и конниц
Не сломит нас Гитлер-пират!
Запомни: твой каждый
червонец
По злобному сброду снаряд.
Мы помним о Ясной Поляне,
О трупах детей на снегу...
За кровь и за все злодеянья
Ответить придется врагу.
Мы смело сквозь море
пожарищ
К победе бесстрашно пойдем...
Так будь же ты первым, товарищ,
В подписке на новый заем!

Николай БАХТЮКОВ.

Клятва

Ночью в лес уходят партизаны,
Мать и сын осталися вдвоем.
Грозным заревом встает
в тумане
Дом родной, огнем объятый дом.
Ну, пойдем. Ты видишь - дом
разрушен.
Молча пляшет красный огонек.
Даже в смерти немцу
непослушен,
Твой отец лежит в земле, сынок.
Он лежит, как будто бы
усталость
Подкосила и свела с пути.
Только злая рана присосалась
И вскипела кровью на груди.
Дай мне ручку. Молча
обернемся...
Дом разрушен, он сгорел,
наш дом,
Мы вернемся, мы еще
вернемся,
Мы как победители придем.
Дом разрушен... Здесь хозяин -
ветер.
Пусть же сердце наше
не молчит.
Кровь убитых - слышишь? Кровь
и пепел
В сердце несмолкаемо стучит.
Дом разрушен... На углях все
реже
Вспыхивает красный огонек.
Но зарею пламенной и свежей
Грозный разгорается восток.
Нашу ненависть - великий гнев
народа -
Полной мерою врагу отмерь,
Чтоб нигде не видящий исхода
Черной кровью захлебнулся
зверь.

Е. СМИРНИЦКАЯ.

О чем расскажут березы...

Его привели и поставили
У двух белоствольных берез.
В душе его не было страха,
В глазах его не было слез.

Он голову вскинул гордо
И, губы сурово сжал,
И, полный святого презренья,
Спокойно он смерти ждал.

Он горд был, что он отважно
За Родину биться умел,
Что он истребить немало
Немецких зверей успел.

Немало успел фашистских
Пустить поездов под откос...
И вот привели и поставили
У двух одиноких берез.

И слышали те березы,
Как грохнул настойчивый залп,
И видели те березы,
Как он на траву упал.

Когда отгремят орудия
И стихнет войны ураган,
Расскажут березы людям
Про мужество партизан.

Константин ОВЕЧКИН.

Дачники-неудачники

Их все больше и больше -
«Дачек Мюллера».
Скоро построим

Дачу «фюреру».
Нальчик, Прохладный,
Элиста, Моздок,
Выйдет им боком
Поход на Восток!

Ирина ПЕТРОВА.

Вдали от фронта

Здесь живут богато, щедро,
сытно,
И кругом такая тишина,
Что войны как будто
и не видно.
А присмотришься - во всем
война.
В каждом доме женщина
тоскует,
Нет такой, чтоб писем
не ждала,
В каждой горнице кровать
пустует,
Лишняя скамейка у стола.
Сходятся родные и соседи,
И по вечерам в твоей избе
Только дум, что о твоей
победе,
Только разговоров - о тебе,
О селе, так на твое похожем,
Где сейчас, обижен всей душой,
Ты ползешь задами
осторожен,
Будто не хозяин, а чужой.
Из огня седым от дыма ветром
Детские выносит голоса -
Женщине за сотни
километров
Этим дымом выело глаза,
Здесь невеста плачет
о невесте,
Что живет в неволе,
и бесчестье
Брату брата больно
вспоминать,
И о матери горюет мать.
И земля с богатым урожаем
Стонет ночью, боли не тая,
О земле, что ей теперь чужая,
Но навечно кровная, своя.
А узнав, что враг по хатам
рыскал,
С петель дверь сорвал и взвел
курок,
Здесь не говорят, что он
не близко -
Он пришел на твой и мой
порог.
Дулом вражеского автомата
По ночам в окно стучится тьма,
Женщина разглаживает смятый
Треугольник твоего письма.
Здесь с тобою ходят
в наступленье,
Отступил - тут стиснул кулаки.
От деревни далеки сраженья,
Но до сердца каждого близки.
Хоть и жизнь тут мирною
осталась
С огоньками, с медленной
рекой,
Руки здесь забыли
про усталость,
И сердца забыли про покой.

Анисим КРОНГАУЗ.